

Т.П. Буслакова

«Сияла ночь. Луной был полон сад. Лежали...» (1877)

Точная датировка стихотворения (2 августа 1877) в данном случае обусловлена стремлением отразить реальное впечатление от пения Т.А. Кузминской (сестры С.А. Толстой — жены Л.Н. Толстого).

Реминисцентным фоном является послание А.С. Пушкина «К***» («Я помню чудное мгновенье...»). Так же, как в пушкинском произведении, в стихотворении Фета лирическому герою запомнился голос. Его он узнает через много лет, показавшихся «томительными и скучными» без любви, озаряющей жизнь («...ты одна — вся жизнь, ты одна — любовь»), сияющей «во тьме ночной».

Своеобразие стихотворения Фета связано с тем, что образ «голоса» становится развернутым. Лирический герой взволнован «песней», его сердце «дрожит», как струна, отзываясь на каждый звук («звука не роняя») желанием «любить, обнять и плакать»:

Ты пела до зари, в слезах изнемогая,
Что ты одна — любовь, что нет любви иной,
И так хотелось жить, чтоб, звука не роняя,
Тебя любить, обнять и плакать над тобой.

Музыкальное звучание передано не только деталями (рояль, «струны», песня, «пела»), но и фоническими средствами. В первых же строчках стихотворения появляется звуковой повтор гласных с певучими сонорными «л» и «н»:

Сияла ночь. **Луной** был полон сад. **Лежали**
Лучи у наших ног в **гостиной** без **огней**.

В первых двух строфах (четырёхстишия, шестистопный ямб) этот звуковой повтор становится основным, обращая к ключевому слову «любовь» (звуковые ассоциации). В третьей строфе этот образ раскрывается как особое состояние души лирического героя. Его вызывает волшебный «голос», подобный свету, разгоняющему ночную тьму и нарушающему затянувшиеся томление и скуку. Однако слышные (в 4 строфе) лирическому герою «вздохи... звучные» обманчивы, «как тогда». Много лет разделяют две встречи, два мгновения, когда казалось («веет»),

Что нет обид судьбы и сердца жгучей муки,
А жизни нет конца, и цели нет иной,
Как только веровать в рыдающие звуки,
Тебя любить, обнять и плакать над тобой!

Сама «судьба», предстающая как «много» «скучных» лет, опровергает иллюзии искусства. Истинно прекрасным созданиям суждена недолгая жизнь, подобно песне, смолкающей на заре («Ты пела до зари...»).

Понимание бессилия искусства обуславливает трагическую окраску переживаний лирического героя. Отзываясь на слезы певицы («в слезах изнемогая»), он готов плакать, «веровать в рыдающие звуки» (усиление мотива происходит в связи с тем, что изображено самое хрупкое из созданий искусства — неповторимый звук голоса).

Однако проявление идеального стремления к красоте находит отклик в сердцах других, становится значимой чертой общей жизни. В отличие от материальных «целей», приносящих «жгучую муку» людям, погружение в область прекрасного освобождает от всевластия судьбы, приобщает к вечности («А жизни нет конца...»). Ощутимую конкретность этой философской мысли придает то, что она предстает в контексте стихотворения итогом размышлений лирического героя над рождающимся на его глазах произведением

искусства. Вывод становится прорывом за грань возможного, новой жизнью («ты одна — вся жизнь»), вызывающей слезы восторга (эмоциональная окраска подчеркнута восклицательной интонацией).